

Бахметьева Ирина Александровна

"НАШ ФРАНЦУЗСКИЙ КУРОРТ" Ч. ДИККЕНСА (1854 Г.): ВОПРОСЫ ПОЭТИКИ

В работе рассматривается фрагмент "французской картины мира", увиденной и воссозданной Ч. Диккенсом в очерке. Основное внимание автор статьи обращает на изображение человека, путешествующего и отдыхающего на французском курорте, на рассказ о г. Булонь и на описание общения представителей французской и английской наций, которым писатель отводит центральное место в повествовании.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/5-1/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 22-24. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82

Филологические науки

В работе рассматривается фрагмент «французской картины мира», увиденной и воссозданной Ч. Диккенсом в очерке. Основное внимание автор статьи обращает на изображение человека, путешествующего и отдыхающего на французском курорте, на рассказ о г. Булонь и на описание общения представителей французской и английской наций, которым писатель отводит центральное место в повествовании.

Ключевые слова и фразы: поэтика; очерк; путешествие; эффект ретардации; образ автора-комментатора; особенности хронотопа.

Бахметьева Ирина Александровна, к. филол. н.

*Воронежский государственный педагогический университет
irbakh@mail.ru*

«НАШ ФРАНЦУЗСКИЙ КУРОРТ» Ч. ДИККЕНСА (1854 Г.): ВОПРОСЫ ПОЭТИКИ[©]

Очерк «Наш французский курорт» Ч. Диккенса впервые появился на страницах журнала «Домашнее чтение» в 1854 г. и содержал описание одного из популярных в то время городов – Булони. «Революция отдыха XVIII века» (the eighteenth century leisure revolution), по словам Уолтона и Валвина, [5, р. 188], привела к развитию курортов, которые стали популярными местами купания и принятия ванн, а постоянно увеличивающийся приток туристов обеспечивал растущий спрос на различные услуги.

Э. Уилсон отмечает, что Франция играла особую роль в жизни Ч. Диккенса с момента первого пребывания писателя в Париже. В 50-е годы XIX века (время, на которое пришлось создание Диккенсом самых известных произведений, время внутренней неудовлетворённости жизнью и социальной неустроенности) художник всё больше отдалялся от Англии и искал убежища во Франции [6, р. 202]. По мере того, как Диккенс осваивал страну и знакомился с новыми людьми, он разочаровывался в Англии (писатель все больше и больше был недоволен положением своего народа), а увлечённость Францией росла и крепла. Эта ситуация отражена в путевых очерках, романах и рассказах писателя [4, р. 101].

1850–1860 гг. – время правления Наполеона III, которое ознаменовалось во Франции бурным развитием городов, транспорта и коммуникаций, промышленности, финансовой сферы, туризма, сферы обслуживания и развлечений. Дж. Эдмондсон, в частности, приводит статистику, согласно которой Булонь в период с 1856–1862 гг. посещали ежегодно сто тысяч человек. В этот период желание публики путешествовать и быть «ближе к воде» усиливалось, а улучшение условий облегчало организацию отдыха, основными критериями которого, как и в настоящее время, были комфорт, хорошее место расположения, еда и развлечения [Ibidem, р. 103].

Стремление Диккенса к французскому образу жизни и приверженность французской культуре приводили его, по крайней мере, двадцать раз во Францию. В Булони, в частности, он останавливался от трёх до четырёх месяцев в 1853 г., 1954 г. и 1956 г. [Ibidem, р. 101]. Неслучайно в очерке и его названии Диккенс неоднократно использует местоимения «мы», «наш», считая Булонь частью своей жизни и творчества и наряду с «нашим национальным достоинством», «нашим английским курортом», «нашими соотечественниками», Диккенс пишет о «наших (французских) рыболовных судах», «наших рыбаках», «нашем хозяине (г-не Девассере, гражданине и муниципальном советнике)», «нашем личном друге по купальной линии, г-не Лют». Таким образом, слово «наш» в очерке становится своеобразным «рамочным» знаком, настраивающим читателя на «мы-повествование» и постоянно напоминающим читателю об авторских любви и интересе к Франции.

В Булони Диккенс, в отличие от шумных туристов, по словам П. Экройда, наслаждался «деревенским отдыхом», который был так ему необходим. Он лежал на траве, читал и засыпал, лёжа на стоге сена, и испытывал роскошь возвращения в воспоминания школьных лет. Но в Булони к этим воспоминаниям присоединяется усталость взрослого человека, который, начав читать, засыпает, и книга, в которой не перевёрнута ни одна страница, падает из его рук [3, р. 374]. Несмотря на хороший отдых во Франции, Диккенс никогда не расставался с чувством тревоги, и по возвращении в Англию он в очередной раз отметит, что чувствует себя «слишком старым» [Ibidem, р. 377].

Радость Диккенса от пребывания во Франции не омрачала даже необыкновенная оживлённость Булони, связанная с Крымской войной и присутствием армии: «Разумеется, барабанный бой и звуки фанфар никогда не затихают на нашем французском курорте. Флаги вывешиваются непрерывно. Но мы с удовольствием признаемся, что считаем флаг весьма привлекательным предметом и от всего сердца радуемся этим внешним знакам безобидного веселья» [1, с. 590] Однако Диккенс приветствовал начало Крымской войны отчасти потому, что Франция и Англия были союзницами, и поэтому из всех мест, где ему довелось пожить за границей, это (Булонь), не считая генуэзского дворца, было самое лучшее [2, с. 256].

Утомлённость неурядицами в семейной жизни, недовольство Англией и англичанами, что и привело Диккенса в Булонь, прослеживается и в его ироничном отношении к отдыхающим во Франции соотечественникам, которые тысячами приезжали туда: «Не без чувства национальной гордости мы отмечаем, что в них

встречается больше скучных людей с берегов Альбиона, чем во всех клубах Лондона. Когда вы осторожно проходите где-нибудь поблизости, самые шарфы и шляпы ваших пожилых соотечественников кричат вам с мостовой: «Берегись! Мы нагоняем скуку!» [1, с. 590]. Тем очевиднее на страницах очерка стремление Диккенса к спокойной обстановке без англичан, даже на отдыхе ведущих «идиотские политические и общественные споры» [Там же], какие можно услышать только среди «дорогих соотечественников» [Там же].

Несмотря на некоторые неудобства, вызванные пребыванием соотечественников в Булони, в целом Диккенс отмечает «заслуженное уважение», которым англичане пользуются на курорте [Там же, с. 591], а также доброжелательное отношение к ним местного населения. Не без гордости писатель также упоминает о толерантности, присущей двум нациям, дружеском взаимодействии англичан и французов и преодолении стереотипов в общении: «Но для нас немаловажным достоинством нашего французского курорта является то, что здесь длительное и постоянное общение двух великих наций научило каждую из них уважать другую, учиться друг у друга и стать выше тех предрассудков, которые еще живы среди неумных и невежественных людей в обеих странах в равной мере» [Там же]. Кроме того, «если Вам нужно что-то делать, Вы не найдете лучшего места для работы. А если Вам делать нечего, то и для этого здесь место самое подходящее», – писал он Уилки Коллинзу [2, с. 256].

Туризм *per se*, «традиционный», с обязательной программой посещения общепринятых мест и достопримечательностей, в частности, Неаполя, не привлекал Диккенса. По этому поводу английский писатель замечает: «На вершине холма, над новым, деловым городом, есть старый, обнесенный стеной город, богатый холодными колодцами. Если бы он отстоял на несколько сот миль дальше от Англии – а ведь сейчас, в ясный день, отсюда можно разглядеть траву, которая растет в расщелинах меловых утесов Дувра, – вас бы уже давно замучили до смерти рассказами об этом городе» [1, с. 578]. И далее автор иронизирует, что, вероятно, попав во все Ежегодники и Альбомы, местная колокольня стала бы целью практически всех туристов, и добраться до неё стоило бы дороже. Но она находится «всего-навсего на нашем французском курорте» [Там же, с. 579]. Дж. Эдмондсон в этой связи поясняет, что в XVIII веке Неаполь был главной достопримечательностью большого европейского турне, которое необходимо было предпринять как дань моде и статусу [4, р. 106].

Путешественников, совершающих такое турне из указанных побуждений, Диккенс называет собирательным именем «Билкинс» и считает большой удачей то, что «Билкинс, этот единственный авторитет по вопросам вкуса <...> не отметил нашего французского курорта. Билкинс нигде о нем не писал, нигде не отмечал какие-либо его достопримечательности, ничего в нем не измерял и вообще его не трогал. За это избавление да благословит небо и городок и память бессмертного Билкинса!» В соответствии с этой необходимостью, европейцы, англичане, в частности, «по указаниям Билкинса обязаны преклоняться перед неаполитанцами» [1, с. 583]. В ответ на это Диккенс не без сарказма отмечает существование в идеальном, с точки зрения Билкинса, Неаполе людей только четырех состояний: лаццарони, священников, шпионов и солдат, причем все они – нищие. «Правительство в своей отеческой заботе разогнало всех своих подданных, кроме негодяев» [Там же], – таково заключение английского писателя.

Следует заметить, что неискушенному читателю, не знакомому с биографией Диккенса, сложно точно определить особенности хронотопа в повествовании, поскольку на протяжении всего очерка автор не упоминает названия города. Он лишь сообщает, что «мы два или три сезона флиртовали с одним из французских курортов» [Там же, с. 576] и что он был известен «только как город с очень длинной улицей, которая начиналась у бойни и кончалась у парохода; казалось, нам было суждено видеть эту улицу только на рассвете зимнего дня (в те времена на континенте еще не было железных дорог); проснувшись настолько, чтобы уже можно было понять, как неудобно мы спали, мы должны были, волею судьбы, громыхать по этой улице в парижском дилижансе, оставляя за собой море грязи и уже предвкушая переезд по другому, бурному морю» [Там же]. Это, пожалуй, самое подробное описание Булони в очерке. Поначалу создаётся впечатление, что Диккенс, добиваясь эффекта ретардации (т.е. «начала с середины»), интригует читателя и готовит ошеломляющую развязку, в общем, не характерную для очерков. Но читателю уготован лишь эффект обманутого ожидания, совершенно не разочаровывающий и настраивающий на созерцание вместе с Диккенсом курортного города.

Во многих путевых очерках Диккенс, перемещающийся в пространстве, озвучивает проблемы массовой индустриализации и развития транспорта в Англии и Франции и связанное с ними изменение нравов (см., например, очерк «Полёт»). Прежде чем наслаждаться курортной атмосферой французского города, английским путешественникам приходилось воспользоваться водным транспортом, поскольку «моста через Ламанш все еще нет, и там продолжается прежняя качка» [Там же, с. 577]. Это обстоятельство, по словам писателя, превращает пассажира «в объект многих унижений» [Там же]: они становятся пленниками таможенных чиновников в мрачном каземате, объектами насмешек соотечественников, которые наслаждаются «зрелищем полной деградации своих сограждан» [Там же], а рука «военной личности», преграждающая дорогу, воспринимается как оскорбление английского национального достоинства [Там же].

Преодолев трудности прохождения таможи и пути, путешественники оказываются в «светлом, свежем и приятном городе» с «разнообразной и красивой природой» [Там же, с. 578]. Отмечается, что в Булони живут «дельные люди, которые упорно работают; они трезвы, умеренны, добродушны, жизнерадостны и, чаще всего, подкупают своими манерами» [Там же, с. 591]. Люди эти честные, трудолюбивые и семейственные, молодые женщины – обаятельные и веселые, а французские дети прогуливаются по улицам с доброжелательными боннами. И, разумеется, у хозяина города, г. Лойаля Девассера, которого автор «имеет удовольствие» представить читателю, «необыкновенно дельные, изобретательные, умелые и ловкие глаза и

руки. Его дома восхитительны. Он сочетает французскую элегантность и английский комфорт по-своему, оригинально и очень удачно» [Там же, с. 584].

Очевидно, восторг повествователя связан не только с тем, что автор оказался в Булони – городе, идеально подходящем для отдыха и творчества, – поскольку он уже не в первый раз с семьёй посещал это место. Любое другое место за пределами Англии, страны, в которой Диккенса окружали вечные финансовые и семейные проблемы, вероятно, также вызвало бы удовольствие писателя, что было бы подробно запечатлено в очерке.

Однако не следует думать, что город лишён недостатков – автор их видит и подвергает критике. Наблюдательный писатель с английским перфекционизмом полагает, что дурных запахов и гниющего мусора в Булони должно быть меньше, сток должен быть более совершенным, а город мог бы быть чище во многих местах, и, следовательно, здоровее [Там же, с. 578].

Тем не менее, упоминаемые недостатки не мешают развитию курортного дела Булони наряду с транспортом и промышленностью: купание в море доступно разным слоям населения, поскольку оно «поразительно дешево» [Там же, с. 588], omnibusы подвозят отдыхающих из города к берегу моря и обратно, на пляже – чистые и удобные купальные кабинки, платья, белье и «все приспособления» [Там же], и даже имеются заведения на паевых началах, с эспланадой, и ассоциация индивидуальных владельцев кабинок [Там же]. Разумеется, на курорте есть и пансионы [Там же, с. 590], но они, очевидно, для скучных снобов-англичан.

Что касается шумных развлечений в городе, Диккенс их описывает лишь фрагментарно, поскольку они, по-видимому, не интересуют автора, стремящегося к тишине и уединению. Так, лишь упоминаются театр, «ослиные бега с английскими “жокеями” и другие деревенские развлечения; лотереи, в которых разыгрываются игрушки; карусели, танцы на лужайке под великолепный оркестр, огненные шары и фейерверк» и *fêtes* [Там же, с. 589].

В очерке отражён один из фрагментов французской музыкальной культуры – игра на гитаре, «которая отважно пытается своим треньканьем перекрыть свирепый гул моря, и всегда есть какой-нибудь мальчик или женщина без голоса, которые поют песенки без мелодии; песня, которую нам приходилось чаще всего слышать, представляла собой призыв к “охотнику” не губить лучшую дичь – ласточку» [Там же, с. 588]. Следует заметить, что во Франции в 50-е годы XIX века, так же, как и в других европейских странах, увлечение гитарой испытывало спад и постепенно вытеснялось фортепиано (в отличие от начала XIX века, времени «гитарной лихорадки»).

В конце очерка Диккенс призывает проникнуться уважением к людям (здесь автор, скорее всего, имеет в виду французов, которых ему довелось встретить в Булони), которые так искренне умеют веселиться на досуге и радоваться жизни. На такое, по словам автора, не способны люди, «желчные от природы» [Там же, с. 591], от которых Диккенс, вероятно, и искал убежище во Франции.

Как видно, в очерке «Наш французский курорт» Диккенс воссоздал один из фрагментов жизни Франции и французов, Англии и англичан середины XIX века. В небольшом произведении английский писатель (с присущими ему остроумием и чувством юмора) смог отразить все сферы жизни современного ему общества: технический прогресс, бурное развитие индустрии туризма, строительство железных дорог, культурные ценности и общение представителей двух культур. На фоне указанных данностей вырисовывается образ автора-комментатора, выражающего, но не навязывающего читателю свою точку зрения. Так сказалась одна из важнейших черт Диккенса-очеркиста: умение объективно, как бы «остраненно» представить информацию, дающую возможность читателю размышлять о современности, сопоставлять факты «своей» и заграничной жизни, осмысливать собственное бытие.

Список литературы

1. Диккенс Ч. Наш французский курорт // Диккенс Ч. Собр. соч.: в 30-ти т. М.: ГИХЛ, 1963. Т. 19. 727 с.
2. Пирсон Х. Диккенс. Серия биографий «Жизнь замечательных людей». М.: ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1963. Вып. 3 (360). 512 с.
3. Ackroyd P. Dickens. London: Vintage Books, 2002. 608 p.
4. Edmondson J. A «Sort of Superior Vagabond». Travel as a Process of Detachment in the Context of Dickens' Visits to France // Proceedings of the Dickens and Tourism Conference. University of Nottingham, 2009.
5. Walton J. K., Walvin J. Leisure in Britain 1780–1939. Manchester University Press, 1983. 241 p.
6. Wilson A. The World of Charles Dickens. Penguin Books, 1972. 302 p.

“OUR FRENCH WATERING-PLACE” BY CH. DICKENS (1854): QUESTIONS OF POETICS

Bakhmet'eva Irina Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Voronezh State Pedagogical University
irbakh@mail.ru

The author considers the fragment of “the French picture of the world”, seen and re-created by Charles Dickens in his essay, and pays special attention to the image of the person traveling and resting in the French resort, to the story of the city of Boulogne and to the description of communication between the French and English nations representatives, to which the writer attributed the central place in the narration.

Key words and phrases: poetics; essay; travel; effect of retardation; image of author-commentator; features of chronotope.